

Максимилиан Александрович Волошин

Жестокость в жизни и ужасы в искусстве

Максимилиан Александрович Волошин

Жестокость в жизни и ужасы в искусстве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22833859

Аннотация

«Из всех человеческих свойств – свойство самое таинственное и непонятное для людей впечатлительных и жалостливых – жестокость.

Сострадание не в состоянии принять самого факта существования жестокости, оно ничем не может объяснить себе ее возникновение в человеческом сердце...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Максимилиан Волошин

Жестокость в жизни и ужасы в искусстве

I

Из всех человеческих свойств – свойство самое таинственное и непонятное для людей впечатлительных и жалостливых – жестокость.

Сострадание не в состоянии принять самого факта существования жестокости, оно ничем не может объяснить себе ее возникновение в человеческом сердце.

Достоевский говорит устами Ивана Карамазова: «Выражаются иногда про „зверскую“ жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток. Тигр просто грызет, рвет и только это умеет. Ему и в голову не вошло бы прибавать людей за уши на ночь гвоздями (как делали турки с болгарами), если бы даже он и мог это сделать».

Ум совершенно другого склада и закала – Шопенгауэр, почти дословно повторяет Достоевского.

По поводу «Отчета Северо-Американского Противуне-

вольнического Общества», представленного в 1840 году таковому же Британскому обществу в ответ на запрос об обращении с невольниками в рабовладельческих Штатах, он пишет:

«Эта книга представляет собою один из наиболее тяжелых обвинительных актов против человечества. Никто не выпустит ее из рук без ужаса и редко кто без слез. Книга эта, состоящая из сухих, но подлинных и документальных показаний, до такой степени возмущает всякое человеческое чувство, что возникает желание идти с нею в руках проповедовать крестовый поход для обуздания и наказания рабовладельцев. Ибо они позорное клеймо на всем человечестве... Свидетельства такого рода являются несомненно самыми черными страницами в уголовных актах человеческого рода».

Гобино назвал человека «Eanimal méchant par excellence» – самым злым из всех животных. И он был прав: ибо человек единственное животное, причиняющее другим страдания без всякой дальнейшей цели. Если тигра и обвиняют в том, что он губит больше, чем может съесть, то душит он с намерением все сожрать, а это объясняется тем, что «у него глаза больше желудка», как гласит своеобразный французский оборот.

«Ни одно животное никогда не мучит для того только, чтобы мучить, а человек это делает, чему и обязан своим дьявольским характером – злее зверского. Поэтому все жи-

вотные инстинктивно боятся взора, даже следа человека – этого *animal méchant par excellence*».

Шопенгауэр обвиняет в иной плоскости, чем Достоевский, но их обвинения совпадают даже в формах выражения, даже в образах.

«Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя», – говорит Достоевский в одном месте.

Вы помните ту главу «Братьев Карамазовых», которая называется «Бунт»? Она начинается теми словами Ивана, что я привел вначале.

Поразительная, огромного смысла глава, в которой собраны все обиды жалости, уязвленной зрелищем человеческой жестокости.

«Я не Бога не принимаю, – говорит Иван, – я мира, им созданного, мира-то Божья не принимаю и не могу согласиться принять».

Он перечисляет Алеше все свои обиды против человека: грудных младенцев, замученных турками на глазах матерей, истязание маленьких детей своими родителями, когда отец для семилетней девочки готовит розги с сучками – «садче будет», а мать запирает ее на ночь в отхожее место, мальчика, затравленного собаками за то, что подбил ногу любимой генеральской гончей.

«Не стоит высшая гармония слезинки одного только того

замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слезками своими к „Боженьке“, – восклицает Иван, – не стоит, потому что слезки его остались неисккупленными... Весь мир познания не стоит этих слезок... А если все страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены. Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! Если хочет – пусть простит за себя, пусть простит мучительно материнское, безмерное страдание свое; но страдание своего растерзанного ребенка она не имеет права простить; не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил ему. А если так, если не смеют простить, где же гармония? Не хочу гармонии из-за любви к человечеству, не хочу. Хочу оставаться лучше со страданиями неотмщенными. Слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему столько платить за вход. Не Бога я не принимаю, я только билет ему почтительнейше возвращаю».

Вот неприятие жестокости, доведенное до своих последних выводов. Речь Ивана звучит с неотвратимой и последовательной убедительностью. Если можно простить за себя, кто имеет право простить за мучение другого? Что можно противопоставить этому? Чем восполнить, чем удовлетворить эти обиды, причиненные самому священному из человеческих чувств – состраданию?

Чтобы найти ответ на эти вопросы, обратимся от следствий к причинам. Попробуем выяснить, из каких глубин человеческого сердца рождается это нечеловеческое, это дьявольское свойство – жестокость. Если нам удастся определить истоки и первопричины его, то, быть может, нам удастся понять и самый смысл жестокости в гармонии мира и в развитии человеческой души; быть может, нам удастся ответить на вопросы, поставленные Шопенгауэром и Иваном Карамазовым. Я не говорю – Достоевским, потому что Достоевский совершенно определенно отвечает на вопрос Ивана Карамазова устами старца Зосимы. Но об этом речь будет после.

Итак, нам необходимо разрешить вопрос: из каких движений человеческого сердца возникает жестокость?

Для того чтобы найти пути к разрешению его, обратимся к тому периоду жизни человека, когда все его чувства проявляются в формах наиболее чистых, интенсивных и космических – к детству.

В одной статье, озаглавленной «К психологии детских игр», напечатанной когда-то в педагогическом журнале «Русская школа» и принадлежащей перу известной теперь поэтессы Аделаиды Герцык, я нашел такую замечательную страницу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.